

УДК 81'36

А. Н. Ливанова, Ю. М. Григорьева

Санкт-Петербургский государственный университет

ПОСЛЕДНИЕ ПЕРЕВОДЫ БИБЛИИ НА ШВЕДСКИЙ И НОРВЕЖСКИЙ ЯЗЫКИ: ПОПЫТКА ГРАММАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

На рубеже XX–XXI вв. в континентальной Скандинавии выходили новые переводы Библии, что связано с целым рядом факторов: развитием языков, успехами переводоведения, текстологии и экзегетики, обнаружением ранее неизвестных текстов. Переводы 2000 г. в Швеции и 2011 г. в Норвегии объединяет инновационный подход к работе, в которой участвовали переводчики, теологи и стилисты. В статье предметом рассмотрения являются сходства и отличия в направлении развития двух близкородственных языков, выявленные в результате анализа переводов Евангелия от Марка.

В лингвистических исследованиях библейских текстов и их переводов внимание традиционно уделяют лексическим и фразеологическим аспектам. В статье же рассмотрены грамматические решения, принятые коллективами специалистов в разных областях для максимального приближения языкового оформления новых текстов Библии к существующей письменной языковой норме. Рассмотрены как морфологические категории (грамматический род, падеж и соотнесенность существительного, формы глагола), так и синтаксические особенности переводов (длина и структура предложений, когезия текста). Исследование позволило выявить общие тенденции в развитии норвежского и шведского языков (сближение письменного языка с устным, избавление от длинных и сложных предложений) и расхождения в направлении (употребление притяжательных местоимений и конструкций) и скорости (утрата падежа) их изменений.

Ключевые слова: Библия, перевод, норвежский язык, шведский язык, грамматика, морфология, синтаксис.

Aleksandra Livanova, Yuliana Grigoryeva

St. Petersburg State University

RECENT SWEDISH AND NORWEGIAN BIBLE TRANSLATIONS: A TENTATIVE GRAMMATICAL ANALYSIS

At the turn of the 20th and 21st centuries, new translations of the Bible were published in continental Scandinavia. Emergence of these translations is associated with a number

of factors: the development of the languages, the evolution of translation studies, textology, and exegetics, and the discovery of previously unknown texts. Two recent translations (Sweden, 2000; Norway, 2011) display an innovative approach to the work, combining the contributions of translators, theologians, and stylists. This article considers similarities and differences of the development of the two closely related languages that were revealed from analysis of the translations of the Gospel of Mark.

Teams of specialists in various fields worked on bringing the linguistic design of the new texts of the Bible close to the existing written language norm. In linguistic studies of biblical texts and their translations, attention is traditionally given to lexical and phraseological aspects. In contrast to this approach the article discusses the grammatical decisions made in this process. Both morphological categories (grammatical gender, case and verb forms) and syntactic features of translations (sentence length and its structure, textual cohesion) are reviewed in the article. Our research made it possible to identify general trends in the development of Norwegian and Swedish languages (convergence of written and spoken language, elimination of long and complex sentences) as well as divergence in direction of their changes (use of possessive pronouns and constructions) and speed of the changes (loss of case).

Keywords: Bible, translation, Norwegian, Swedish, grammar, morphology, syntax.

История переводов Библии на европейские языки началась более тысячи лет назад. Однако первые полные переводы Библии появились значительно позже и связаны прежде всего с эпохой Реформации. С тех пор количество переводов Библии во всем мире неуклонно растет. Среди причин этого принято выделять миссионерскую деятельность церкви, появление во многих странах национальных библейских обществ, а в последние десятилетия — потребность церкви в новых членах, в том числе среди молодежи, трудности в восприятии старых, классических, переводов [Яковенко, 2012, с. 141].

Рубеж XX–XXI вв. в континентальной Скандинавии ознаменовался выходом новых переводов Библии. Так, в Швеции выходит так называемая Библия 2000 (издания 2000 г.), а в Норвегии, соответственно, Библия 2011 под эгидой Библейского общества. Правда, Ветхий Завет был опубликован еще в 2005 г., но целиком перевод был выпущен в 2011 г.¹ И Ветхий, и Новый Завет были опубликованы сразу на обеих официальных формах норвежского языка — букмоле и нюнорске. Актуальность появления новых пе-

¹ Evangeliet etter Markus 8 (норв.): [https://www.bibel.no/Nettbibelen;Markusevangeliet 8](https://www.bibel.no/Nettbibelen;Markusevangeliet%208) (шв.): <http://www.bibeln.se/>; русский синодальный перевод Библии: <https://www.bibleonline.ru/bible/rus/>.

реводов связана с целым рядом факторов: развитием скандинавских языков, переводоведения, текстологии и экзегетики, а также с обнаружением ранее неизвестных текстов как Ветхого, так и Нового Завета. Кроме того, известную роль сыграла и дистанцированность старых переводов от современного читателя на лексическом уровне — многие слова, встречавшиеся в более ранних переводах, уже не являются частью не только активного, но и пассивного словарного запаса носителей шведского и норвежского языков. Так, работа по переводу на норвежский язык шла под девизом «Живое слово на живом языке».

Переводы 2000 г. в Швеции и 2011 г. в Норвегии объединяет инновационный подход к работе над ними. В процесс перевода были вовлечены не только переводчики, но и теологи и стилисты, в том числе известные писатели и поэты (среди норвежских это, например, популярные в России и в мире Карл Уве Кнаусгор и Юн Фоссе, а среди шведских — Гун-Бритт Сундстрём и нобелевский лауреат Тумас Транстрём), активное участие в работе принимали также референты и члены правления Комиссии по переводу и редактированию Библии. В Швеции всестороннюю помощь на всех этапах работы оказывало и государство, официально поддерживавшее появление нового перевода и высказавшее свою заинтересованность в нем (подробнее об истории переводов Библии в Швеции см., напр.: [Olsson 2001]). Государству принадлежат и права на издание Библии 2000, однако распоряжается ими Шведское библейское общество. Как в Швеции, так и в Норвегии библейские общества получают основную массу средств от продажи книг Библии [Årsrapport 2011 Bibelselskapet]. В обеих странах по мере продвижения работы фрагменты переводов публиковались, вызывая бурное общественное обсуждение.

Своей основной целью как норвежские, так и шведские переводчики видели создание текста на современном языке, отражающем актуальную языковую норму и понятном читателю. Кроме того, было принято принципиальное решение работать исключительно с древнееврейскими и древнегреческими оригиналами, без использования более ранних переводов на шведский и норвежский языки и, вопреки сложившейся многовековой традиции, не опираясь на переводы на другие европейские языки, в особенности на немецкий. Следует сразу оговорить то обстоятельство,

что в нашей статье предметом рассмотрения являются не переводческие стратегии как таковые, а то, как созданные на базе одного и того же исходного материала и схожих стратегий тексты демонстрируют сходства и отличия в направлении развития двух близкородственных языков.

Во временном плане шведский перевод оказывается размещенным примерно посередине между норвежским переводом 2011 г. и предшествовавшим ему переводом Библейского общества (1978 г. в редакции 1985 г., который в норвежских источниках принято обозначать как *Vibelen 1978/85*), этот текст также будет анализироваться в статье, ведь цели, преследовавшиеся в работе над указанным переводом, были практически те же самые: осовременивание языка и приближение его к современному читателю. Стоит упомянуть, что Новый Завет, отрывок из которого рассматривается в статье, на шведский язык был переведен первым из всех библейских книг в 1981 г. и впоследствии вошел в Библию 2000. Таким образом, три рассмотренных в статье текста были созданы в период между 1978 и 2011 гг.

В этой связи следует указать на особенности языковой ситуации в Норвегии, складывающейся в условиях детального языкового планирования. Так, на коротком в историческом масштабе этапе был проведен целый ряд языковых реформ с поправками к ним. За введением «нового правописания» в 1917 г. последовали изменения 1938, 1959, 1981, 2005, а теперь и 2012 гг., потрясающее воображение количество поправок к этим решениям в период между 1962 и 2003 гг. демонстрируется на особой вкладке к интернет-сайту норвежского Языкового совета [*Rettskrivningsvedtak 1962–2003*], где они организованы в алфавитном порядке. Хотя изменения и носят название реформ правописания — *rettskrivningsreformer*, но они далеко не сводимы к таковым (см. подробнее, напр.: [Ливанова 2003]). И если направлением планирования примерно до 1980 г. была в отношении букмола главным образом его так называемая радикализация, т. е. сближение с диалектной и просторечной речью, а также с нюнорском, что отдаляло письменный букмол от классических текстов художественной литературы и от традиций наиболее широко использовавшегося ранее перевода Библии (исправленное в 1930 г. издание перевода 1904 г.), то затем реформы во многом свелись к восстановлению ранее отвергнутых традиционных ва-

риантов, так и не изжитых в письменной, да и в устной, практике, особенно у образованных людей. «Новый язык Библии должен быть хорошим и современным литературным норвежским», — пишет участвовавший в проекте 2011 г. ученый и переводчик Аннерс Ашим [Aschim, 2011, s. 32]. В этом высказывании сенсацией можно назвать употребление слова *литературный*, которого всячески избегают в норвежском языковом дискурсе, тем более на страницах журнала *Språknytt*, издаваемого Советом по языку.

Норвежский перевод 1978/85 г. был создан в период разгара реформаторства, оказавшегося неприемлемым для многих. Как пишет видный исследователь, специалист в области древних языков и переводоведения Х. Фаускангер, «переводчики позиционировали себя как свободных в отношении и библейской традиции, и внешней формы исходного текста» [Fauskanger, 1998, s. 131]. Именно результатом отхода от традиций перевода сакрального текста, вероятно, и было вызвано то обстоятельство, что более востребованными в Норвегии оказались альтернативные переводы (*Norsk Bibel 1988* и *Bibelen: Guds Ord 1997*): «Перевод 1978 г. был столь чужд переводческой традиции, что значительная часть верующих сплотилась вокруг *Norsk Bibel*, вышедшей в 1988 г. и во многом продолжающей дело исправленного перевода Библии 1930 г.» [Andersen, 2014, s. 1].

В Швеции же языковая ситуация в XX в. была более стабильной. Так, последняя на сегодня орфографическая реформа была проведена в 1906 г., последующие же значимые изменения (выход из употребления форм множественного числа глаголов, большей части форм сослагательного наклонения и т. д.) не носили характера реформ, проведенных «сверху», и произошли за несколько десятилетий до выхода Библии 2000.

В лингвистических исследованиях библейских текстов и их переводов внимание традиционно уделяют лексическим и в особенности фразеологическим аспектам перевода, грамматика же подвергается анализу значительно реже, хотя развитие шведского и норвежского языков в XX в. в существенной степени затронуло и грамматическую их сторону, как на уровне морфологии, так и на уровне синтаксиса.

Представляется немаловажным на материале близкородственных языков рассмотреть новые грамматические решения, при-

нятые работавшими над переводами коллективами специалистов в разных областях с тем, чтобы максимально приблизить языковое оформление новых текстов Библии к существующей письменной языковой норме, пусть и чрезвычайно размытой в случае норвежского языка. Это тем более важно, что «Библия является языкообразующей», как указывал в одном из интервью руководитель коллектива, работавшего над новым норвежским переводом, Ханс-Улав Мёрк [Vaaland, 2011, s. 2], в том смысле, что язык этого текста, читаемый практически всей нацией, во многом задает тон всей языковой практике. Так, в истории шведского языка именно перевод Библии (Библия Густава Васы 1541 г.) сыграл ключевую роль в формировании и кодификации литературной нормы, заложил вектор ее развития на несколько столетий (подробнее о языковых особенностях Библии Густава Васы см., напр.: [Lindqvist, 1941, Sjögren, 1949]).

В качестве объекта исследования для подробного грамматического анализа был выбран небольшой отрывок из Евангелия от Марка (гл. 8). Во-первых, часть этого отрывка (8: 31) подробно проанализирована на предмет лексики в книге, написанной одним из переводчиков норвежской Библии 2011, специалистом по древним языкам, профессором Университетского колледжа г. Волда Аннерсом Ашимом [Aschim, 2013, s. 109–111]. Авторы сочли, что было бы полезно дополнить этот анализ, обратившись к грамматике. Во-вторых, представлялось логичным рассмотреть ее на отрывке сопоставимого объема и посмотреть, обнаружатся ли в нем вызывающие интерес явления из области грамматики. Методология, примененная и описанная в настоящей статье, в дальнейшем может быть использована при грамматическом анализе текстов на близкородственных языках.

Следуя негласной традиции, обратимся вначале к морфологии, рассмотрев характеристики двух важнейших частей речи, существительного и глагола (объем статьи не позволяет дать описание всех частей речи, а также словообразования, хотя и в этих отношениях наблюдается немало интересного). В первую очередь следует упомянуть то, что в языках некоторые из них оказываются субъективно более важными, чем другие. Так, в норвежском языке при возможности передать некий смысл, используя выражение, содержащее глагол или существительное, предпочтение отдается

глаголам и прилагательным по сравнению с существительными. Излишнее, по мнению норвежцев, употребление существительных имеет свое название — *substantivsyke/substantivsjuke*, т.е. субстантивная болезнь [Vinje, 1968, s. 58, 60–62] (касательно глагольности норвежского языка относительно ряда других, например французского, см. статью: [Lotherington, 2015]). Аналогичное явление наблюдается и в шведском языке и описывается тем же термином — *substantivsjuka*.

Многие существительные по возможности были заменены глаголами или иными предикатами еще в переводе 1978/85 г., что отмечалось (и критиковалось) как одна из важнейших особенностей этого перевода — *avsubstantivering* [Lønning, 1997, s. 28]. Разница в выборе частей речи проявляется даже в рассматриваемом отрывке из Библии: в обоих норвежских (как и в русском) переводах использовано адъективное дополнение, а в шведском — косвенное субстантивное: норв. *Sender jeg dem sultne hjem* (досл. «Пошлю я их голодными домой»), шв. *Om jag låter dem gå härifrån utan mat* (досл. «Если я позволю им уйти отсюда без пищи») // Если **неевшими** отпущу их в дома их, ослабеют в дороге, ибо некоторые из них пришли издалека (3)².

Обратимся к грамматическим категориям, присущим имени существительному в обоих языках. Это прежде всего род. В шведском языке имеются существительные общего и среднего рода, также в норвежском еще в начале прошлого века господствовала двухродовая система, которая постепенно сменилась трехродовой, со средним, мужским и женским родом. Употребление последнего регулируется целым рядом обстоятельств, главное из них в рассматриваемом контексте то, что употребление слов, оформленных по женскому роду, отчетливо ощущается как стилистически сниженное. Непоследовательное использование женского рода служило одним из оснований для критики перевода 1978/85 г. (см.: [Olsen, 2003, s. 12]). В исследованном отрывке слов, которые потенциально могли быть употреблены в женском роде, четыре (*tid* ‘дни’ (1), *ødemark* ‘пустыня’ (4), *slekt* ‘род’ (12, 38), *hånd* ‘рука’ (23)), однако все они в переводе 2011 г. использованы в форме мужского рода. Слова *ødemark* и *hånd* идут по мужскому роду и в переводе 1978/85 г.,

² Здесь и далее номер стиха будет указываться при русском переводе.

что же касается оставшихся слов, то они употреблены в устаревших конструкциях высокого стиля (с отдельно стоящим определенным артиклем, но без суффиксированного — об этом см. ниже), не позволяющих судить об их грамматическом роде. В контексте цели, поставленной перед переводчиками (осовременить язык), а также претензий, ранее высказывавшихся относительно перевода 1978/85 г. как слишком вольного, это могло бы вызвать недоумение. Уже цитированный выше Аннерс Ашим предполагает, что кого-то «разочарует столь малое число слов женского рода с окончанием *-a* в определенной форме» [Aschim, 2011, s. 33]. Однако, думается, дело в том, что носители норвежского языка в своей массе не приняли насаждавшегося реформами прошлого века сдвига в сторону просторечия, и в переводе, создававшемся с участием чутких к языковому узусу писателей, крен в сторону употребления женского рода исправлен.

В литературном шведском языке, в отличие от норвежского, отличие по роду (а вернее, по биологическому полу лиц) проводится в единственном числе при согласовании определения, выраженного прилагательным в слабой форме, стоящим впереди существительного: определение, относящееся к лицу мужского пола, имеет окончание *-e*, в остальных случаях — окончание *-a*. Хотя в устной, а нередко и в письменной речи существует тенденция к генерализации окончания *-a* [Hultman, 2003, s. 88], в тексте отрывка сохраняется традиционная форма *den blinde* ‘слепой’ (23).

Наличие у существительного в шведском и норвежском языках всего двух падежей (общего и родительного), сужение функций последнего до выражения связи одного существительного с другим, давно происшедшее сужение инвентаря показателей до одного *-s*, а также растущее использование предложных и иных посессивных конструкций позволяют говорить о том, что *-s* в этих языках скорее не показатель падежа — генитива, а фразовый маркер (деграмматикализации показателя *-s* в шведском языке посвящена диссертация [Norde 1997], она в значительной мере применима и к норвежскому языку). Показательно, что даже на небольшом фрагменте текста видно, что норвежский язык продвинулся в этом направлении дальше: показатель *-s* используется в обоих переводах лишь в сочетании с названием народа *farisernes*, принадлежность лицу обозначается предлогом — *surdeig*

til Herodes (1978/85) и *surdeigen fra Herodes* (2011) соответственно; в шведском же переводе в форме генитива употреблены оба слова: *fariseernas och Herodes surdeg* ‘закваски фарисейской и закваски Иродовой’ (15). Бросается в глаза также использование в норвежской притяжательной предложной конструкции разных предлогов, частично синонимичных, по происхождению пространственных: *til* ‘к’ и *fra* ‘от’. Отличия в форме сопровождаются здесь и отличиями в оттенках значения, что позволяет говорить о возможностях более нюансированной передачи смысла высказывания при использовании предлога, чем падежной формы.

Далее, в шведском переводе генитивом оформлены слова в стихе 33: *Dina tankar är inte Guds, utan människors* ‘ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое’. В норвежских же переводах предложение построено совершенно иначе.

В употреблении форм числа существительного можно отметить, что в норвежском широко распространено использование единственного числа при обозначении неопределенного числа мелких однородных объектов, в особенности используемых как объект питания или охоты (рыбалки). Это наблюдается и в библейском тексте, где оба норвежских перевода употребляют именно форму единственного числа в собирательном значении — *noen få småfisk*, шведский же и русский переводы используют множественное число: *några fiskar* ‘немного рыбок’ (7).

Переходя к категории соотнесенности, следует сказать, что для выражения определенной соотнесенности существительного с впередистоящим определением, выраженным прилагательным, в современных норвежском и шведском языках используется так называемый рамочный артикль, т. е. отдельно стоящий определенный артикль (или указательное местоимение) перед сочетанием прилагательного и существительного, оформленного суффицированным определенным артиклем. В норвежском высоком стиле допустимо опущение суффицированного артикля. В шведском это возможно лишь после носящих более формальный характер указательных местоимений *denna/detta/dessa*, но такое употребление — скорее особенность письменной речи вообще, чем маркер функционального стиля. Между тем в шведском в ряде случаев допустимо опущение отдельно стоящего артикля. Исследуемые переводы в этой связи дают повод для раздумий. Фрагмент начинается

словами «В те дни» (1), которым в шведском переводе и в норвежском переводе 1978/85 г. соответствуют словосочетания с рамочным артиклем: шв. *Vid den tiden*, норв. *På den tiden*. В норвежском переводе 2011 г. наблюдается книжное *På denne tid*. Заканчивается фрагмент словами «со святыми Ангелами» (38), в шведском переводе и здесь рамочный артикль — *de heliga änglarna*, в обоих же норвежских переводах суффиговый артикль опущен: *de helige engler*. Руководитель издательского отдела Библейского общества Норвегии Турид Барт Петтерсен заверяла, что «в повествовательных фрагментах текста предпочли осторожно модернизировать слог, в то время как стихи сохраняют более высокий стиль» [Pettersen, 2003, s. 19], однако можно убедиться в том, что разноречивость наблюдается и в рамках рассматриваемого в статье повествовательного отрывка. Можно, конечно, предположить, что ангелы — объект высокого порядка, а название временного промежутка — нет, но здесь требуется более тщательное исследование. Модернизация наблюдается лишь в переводе 12 стиха: вместо *denne slekt* появляется *denne slekten*. Однако в другом стихе встречается употребление одного лишь указательного местоимения, без суффигового артикля, в этом стихе шведского перевода — *detta släkte* — и во всех трех переводах в сочетании норв. *denne utro og syndige slekt*, шв. *detta trolösa och syndiga släkte* ‘в роде сем прелюбодейном и грешном’ (38). Варианты указательных местоимений *denna/detta/dessa* (вместо нейтральных *den/det/de*) в шведском характеризуют более формальный стиль и являются принадлежностью письменной речи, как и русское *сей*. Что же касается конструкции с отсутствием суффигового артикля и отдельно стоящим артиклем *den/det/de*, она характеризуется не только как устаревшая или характерная для поэтического языка, но и как специфически библейская: *den heliga skrift* ‘Священное Писание’, *den helige ande* ‘Святой Дух’ [Thorell, 1973, s. 60]. Таким образом, новый шведский перевод оказывается более традиционным, чем норвежский.

Говоря о притяжательных местоимениях, необходимо упомянуть и существенный для норвежского языка вопрос их места в сочетании с существительным, относящийся к области микросинтаксиса и стилистики: из устной речи в письменную постепенно перекочевало использование местоимения после существительного. Непоследовательность перевода 1978/85 г. в этом отношении

критиковалась [Olsen, 2003, s. 18]. В рассматриваемом фрагменте она частично выправлена в сторону устной практики: в стихе 23 обоих норвежских переводов местоимение стоит в постпозиции — *øynene hans* ‘ему на глаза’, как и в стихе 34 Библии 2011 — *disiplene sine*; в этом стихе перевода 1978/85 г., как и в шведском, оно было вообще опущено: норв. *disiplene*, шв. *lärjungarna* ‘учеников Своих’. Однако в остальных случаях местоимение и в норвежских, и шведском переводах поставлено в препозицию.

Для второй из важнейших частей речи, глагола, значимой характеристикой служат формы спряжения. Исследователь текстов Библии, специалист по древним языкам Хельге Фаускангер говорил в интервью о стиле Евангелия от Марка, что оно «написано на довольно вульгарном и неуклюжем греческом, чуть ли не на грубом просторечии, которое в корректном переводе на норвежский следовало бы передавать, используя массу окончаний *-a*» [Ese]. Показатель *-a* используется в букмоле в качестве суфигированного артикля женского рода³ и окончания претерита слабых глаголов основного, 1-го класса⁴. В исследуемом фрагменте этот показатель отсутствует.

По соображениям ограниченного объема статьи не анализируются прочие глагольные формы, прочие части речи, а также представляющее особый интерес словообразование (особенно цельнооформленность и раздельнооформленность глаголов с частицами; показательный пример — замена *oppstå* на до сих пор неприемлемое многими *stå opp* в переводе 2011 г.; в шведском это *uppstå* ‘воскреснуть’ (31), а также большее количество сложных слов по сравнению со словосочетаниями в шведском, что может быть одной из причин сокращения числа слов в предложении). Авторы планируют обратиться к рассмотрению этих вопросов в дальнейшем.

Переходя к синтаксису, примем во внимание утверждение о том, что «в букмоле осторожной модернизации подверглось в особенности построение предложений, синтаксис» [Aschim, 2011, s. 33]. Одним из существенных синтаксических показателей является длина предложения. На протяжении последних десятилетий именно этот критерий неоднократно становился пред-

³ О женском роде, вернее, его отсутствии в переводе, см. выше.

⁴ Определенный артикль *-a* может оформлять и множественное число существительных, но это разговорная форма.

метом исследований шведских лингвистов на материале текстов различных функциональных стилей [Engdahl, 1962; Grahn 1965; Nordin-Thelander 1981]. Это связано с тем, что значительное сокращение длины предложения и, как следствие, упрощение его структуры — важнейшее изменение, произошедшее на синтаксическом уровне шведского и норвежского языков в XX в. Данное явление подтверждается всеми проведенными исследованиями и объясняется в первую очередь демократизацией языка, последовательным сближением письменной и устной речи, тенденцией, характерной «в целом для современных европейских языков» [Берков, 2011, с. 64].

Анализируемая глава Евангелия от Марка в шведском переводе состоит из 56 предложений, в норвежском 1978/85 г. — из 59 предложений, в норвежском 2011 г. — из 63 предложений. Максимальная длина предложения в Библии 2000 составляет 31 слово, в Библии 1978/85 и 2011 гг. — 34 слова. Данный показатель можно считать относительно высоким для всех рассматриваемых переводов, а длину предложения, превышающую 30 слов, — нехарактерной для Библии 2000, что было доказано в исследовании текста Евангелия от Матфея, в котором наиболее частотная длина предложения колеблется в диапазоне от 11 до 20 слов [Григорьева, 2012, с. 22]. Подобный результат подтвердил тезис П. Кассирера об оптимальной для современного шведского языка длине предложения от 13 до 19 слов [Cassirer, 2003, s. 66]. Эти показатели, скорее всего, верны и для норвежского языка, хотя именно тексты норвежских переводов Библии на этот предмет не исследовались, но практика переводов художественной литературы на норвежский язык свидетельствует о том, что издательства предпочитают тексты, в которых предложения не были бы слишком длинными.

Минимальная длина предложения одинакова во всех трех переводах и составляет три слова. Подобных примеров в анализируемом материале насчитывается три единицы в шведском тексте и четыре — в обоих норвежских, причем они однотипны, и всем трем шведским предложениям соответствуют те же норвежские: шв. *Sju, sade de.*; норв. *Sju, svarte de.* ‘Они сказали: семь.’ (5); шв. *Tolv, svarade de.*; норв. *Tolv, svarte de.* ‘Говорят Ему: двенадцать.’ (19); шв. *Sju, svarade de.*; норв. *Sju, svarte de.* ‘Сказали: семь’ (20).

В представленной ниже сводной таблице приводится весь проанализированный материал, распределенный на четыре группы в зависимости от длины предложения (табл.).

Таблица

Евангелие от Марка, глава 8	Длина предложения				
	≤ 10	11–20	21–30	31–40	
2000	19	31	4	2	56
1978/85	24	30	4	1	59
2011	29	28	4	2	63

Как следует из таблицы, показатели, обнаруженные в шведском и норвежских переводах, сопоставимы с той лишь разницей, что в норвежских текстах число предложений с минимальной длиной последовательно увеличивалось, а со средней длиной — незначительно снизилось и в последнем на данный момент переводе практически сравнялось с первой группой. Открытым остается вопрос о том, говорит ли наблюдаемая тенденция о снижении оптимальной длины предложения в рассматриваемых языках до десяти слов и менее.

Для получения более точных данных при дальнейшем синтаксическом анализе материала было решено не рассматривать предложения с прямой речью, а также вопросительные предложения, что сократило корпус примеров почти вдвое — до 29 единиц в шведском тексте и норвежском тексте 1978/85 г. и 34 единиц в норвежской Библии 2011. Таким образом, далее речь идет только о повествовательных предложениях.

Как в шведском, так и в норвежских переводах в отобранном материале доминируют простые предложения: их количество составляет 16 единиц (из 29) в шведском тексте, 15 (из 29) в Библии 1978/85 и 21 (из 34) в Библии 2011. Эти данные не противоречат общей тенденции к максимально простой организации предложения по образцу устной речи. Интересно, что в группе простых предложений одинаково представлены предложения с прямым и обратным порядком слов: в шведском тексте — по восемь единиц, в норвежском 1978/85 г. — семь единиц с прямым порядком слов и восемь с обратным, в норвежском 2011 г. — одиннадцать единиц с прямым порядком слов и десять с обратным.

Что касается сложных предложений, то во всех переводах лучше представлены сложноподчиненные предложения (семь единиц в шведском тексте, шесть в Библии 1978/85 и восемь в Библии 2011), нежели сложносочиненные (по три единицы в Библии 2000 и 2011 и четыре единицы в Библии 1978/85). Известно, что тексты, в которых доминирует паратактическая связь, легче читать и воспринимать, нежели тексты с гипотактической связью и развитой системой придаточных предложений. Таким образом, доминирование гипотаксиса — один из немногих критериев, по которому рассматриваемые тексты сближаются не с устной, а с письменной речью.

Среди типов придаточных предложений, встречающихся в шведском материале, самыми частотными (хотя в абсолютном исчислении немногочисленными — их насчитывается три) являются придаточные изъяснительные (дополнительные), введенные союзом *att* 'что' — наиболее распространенный тип изъяснительных придаточных предложений в современном шведском языке [Жильцова, 2006, с. 31]. Кроме того, обнаружено два предложения с временными придаточными, вводимыми союзами *när* и *då* (оба со значением «когда»), одно придаточное условия, вводимое союзом *om* 'если' и одно придаточное относительное, вводимое относительным местоимением *som* 'который'. В норвежских текстах также представлены только распространенные типы придаточных предложений, однако больше всего придаточных относительных, которые в анализируемом материале вводятся исключительно относительным местоимением *som* 'который' (шесть единиц в Библии 1978/85 и семь — в Библии 2011). Такую частотность относительных придаточных, вероятно, можно считать индикатором влияния устной речи, поскольку, как пишет У.Телеман, в устной речи наблюдается тенденция помещать синтаксически или семантически главное в конструкции слово как можно раньше, в результате чего предложные словосочетания в функции определения предпочитают имеющим то же значение определениям, выраженным генитивом, а придаточные относительные — препозитивным адъективным определениям [Teleman, Wieselgren, 1980, s. 81].

Также в норвежских текстах присутствуют одно придаточное изъяснительное с союзом *at* 'что' и одно временное придаточное, вводимое союзом *når* 'когда'. Во всех случаях, кроме одного,

сложноподчиненные предложения в шведском тексте имеют по одному придаточному, в одном случае — два придаточных (относительное и временное); аналогично данное предложение выглядит и в обоих норвежских переводах: шв. *Den som skäms för mig och mina ord i detta trolösa och syndiga släkte, honom skall också Människosonen skämmas för när han kommer i sin faders härlighet med de heliga änglarna.*; норв. *Den som skammer seg over meg og mine ord i denne utro og syndige slekt, ham skal også Menneskesønnen skamme seg over når han kommer i sin Fars herlighet, sammen med de hellige engler* (1978/85); норв. *For den som skammer seg over meg og mine ord i denne utro og syndige slekt, skal også Menneskesønnen skamme seg over når han kommer i sin Fars herlighet sammen med de hellige engler* (2011) ‘Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда придет в славе Отца Своего со святыми Ангелами’ (38).

В норвежских текстах присутствует также пример с двумя придаточными относительными: *Du har ingen sans for det som Gud vil, bare for det som mennesker vil.* (1978/85); *Du har ikke tanke for det som Gud vil, bare for det som mennesker vil.* (2011) ‘Ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое’ (33). В шведском переводе в данном случае используется простое предложение: *Dina tankar är inte Guds, utan människors.*

В шведском тексте представлены сложноподчиненные предложения как с левосторонним, так и с правосторонним ветвлением. Последние принято считать отличительной особенностью устной речи [Cassirer, 2003, s. 65]. Напротив, предложения с левосторонним ветвлением, как правило, более сложны для восприятия и являются принадлежностью письменной речи. Таким образом, по данному критерию также не наблюдается однозначного отклонения в сторону сближения с устной речью. В норвежских переводах отсутствует левостороннее ветвление, что связано с большим количеством придаточных относительных. Их особенность заключается в негибкой структуре, т. е. придаточная часть может находиться только в постпозиции или в интерпозиции [Жильцова, 2006, с. 28], что само по себе исключает возможность левостороннего ветвления.

Кроме вышеуказанных типов сложных предложений, в шведском тексте и норвежской Библии 1978/85 присутствует по одному

сложному бессоюзному предложению (в норвежском переводе 2011 г. этот тип отсутствует), а также по два предложения с разными видами связи в шведском переводе и норвежской Библии 2011. В более раннем тексте 1978/85 г. подобных предложений насчитывается три. Очевидно, что такая сложная модель построения предложения на данном этапе развития шведского и норвежского языков не является продуктивной. Как отмечает В.П. Берков, «длинные периоды сложной синтаксической структуры — с иерархическим рядом придаточных предложений и т.п. — все реже используются в прозе XX в.» [Берков, 2011, с. 64].

Как шведский, так и норвежский язык допускают употребление бессоюзной связи в условных придаточных предложениях. В этом случае придаточная часть всегда предшествует главной. Подобный пример встретился единожды в каждом из норвежских переводов: *Sender jeg dem sultne hjem, vil de bli helt utmattet på veien* (1978/85, 2011). В том же предложении в шведском тексте придаточная часть также находится в препозиции по отношению к главной, но оформлена союзом *om* 'если': *Om jag låter dem gå härifrån utan mat orkar de inte ta sig hem* 'Если неевшими отпускаю их в дома их, ослабеют в дороге' (3).

Что касается когезии текста, отметим одну из особенностей Библии, сохраненную во всех трех переводах: анафорическое употребление сочинительных союзов, выполняющих стилистическую функцию связующего звена с предыдущим предложением, — элемента, придающего тексту определенный ритм. С этой целью в шведской Библии 2000 используются союзы *och* 'и', *men* 'но' и — реже — устаревший *ty* 'ибо', в норвежских переводах — *og* 'и', *men* 'но' и в единичных случаях *for* 'потому что'.

Проведенное исследование позволило выявить ряд общих тенденций в развитии литературных норвежского и шведского языков (сближение письменного языка с устным, избавление от длинных и сложных предложений) и расхождения как в направлении (употребление притяжательных местоимений и конструкций), так и скорости (утрата падежа) определенных изменений, не говоря уже о том, что продемонстрирована определенная декларативность в оценке языка переводов, присущая осуществлявшим переводы специалистам. Представляется, что более прицельное применение использованного подхода к тексту большего объема

способствовало бы выявлению важных черт в развитии близкородственных языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Берков В. П.* Работы по языкознанию. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. 651 с.
- Григорьева Ю. М.* Длина предложения как показатель синтаксических изменений в языке (на материале переводов Библии на шведский язык 1917 и 2000 гг.) // Скандинавская филология. Вып. XII. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 16–24.
- Жильцова Е. Л.* Сложноподчиненное предложение в современном шведском языке. М.: Изд-во МГУ, 2006. 104 с.
- Ливанова А. Н.* Языковая ситуация в Норвегии // Материалы XXXII международной филологической конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 10–13.
- Яковенко Е. Б.* Неопалимая купина или горящий куст? (О красоте и точности современных библейских переводов) // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 141–150.
- Andersen R.* Vi sammenlikner Norsk Bibel og Bibel 2011. Manuskript til foredrag på møte i FBB Østfold 11. mars 2014. 17 s.
- Aschim A.* Bibelen 3.0. Bak Bibel 2011. Oslo: Verbum forlag, 2013. 288 s.
- Aschim A.* Når Bibelen blir ny // Språknytt 4. 2011. S. 32–34.
- Årsrapport 2011 Bibelselskapet. URL: <https://www.bibel.no/~media/Files/Armsmeldinger/Armsmelding%202011.1.ashx> (дата обращения: 15.01.2015).
- Cassirer P.* Stil, stilistik & stilanalys. Stockholm: Natur och Kultur, 2003. 287 s.
- Engdahl S.* Studier i nusvensk sakprosa. Uppsala: Institutionen för nordiska språk vid Uppsala universitet, 1962. 202 s.
- Ese B. K.* Den norske Bibelen er frisert og sminka. URL: http://www.nrk.no/hordaland/_den-norske-bibelen-er-frisert-og-sminka-1.12253957 (дата обращения: 17.03.2015).
- Fauskanger H. K.* Bibelen på norsk. Bergen: Hovedoppgave ved Nordisk institutt; Universitetet i Bergen, 1998. 134 s.
- Grahn L.* Det moderna tidningspråket // Språkvård 4. 1965. S. 3–11.
- Hultman T. G.* Svenska Akademiens språklära. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2003. 342 s.
- Lindqvist N.* Några huvuddrag i Gustav Vasas Bibels språk. Uppsala: Uppsala universitet, 1941. 16 s.
- Lotherington T.* I påvente av Godot // Språknytt 4. 2015. S. 22–24.
- Lønning P.* Hvem er redd for old king James? // Ordet 4. 1997. S. 24–28.
- Norde M.* The History of the Genetive in Swedish. A Case Study in Degrammaticalization: Ph.D. dissertation. Amsterdam: University of Amsterdam, 1997. 268 p.

- Nordin-Thelander K. Variation i politiskt ordförråd. Uppsala: Uppsala universitet, 1981. 30 s.
- Olsen K.-J. Revidert bibeloversettelse — til det bedre? // *Aftenposten*. 05.09.2003. S. 12.
- Olsson B. Från Birgitta till Bibel 2000. Stockholm: Verbum, 2001. 131 s.
- Pettersen T.B. Bibeloversettelse — det muliges kunst // *Aftenposten*. 14.04.2003. S. 19.
- Rettskrivningsvedtak 1962–2003. Språkrådet. URL: <http://www.sprakradet.no/Spraka-vare/Norsk/Rettskrivningsreformer/Rettskrivningsvedtak-1962-2003> (дата обращения: 15.01.2015).
- Sjögren G. Om språket i de svenska bibelöversättningarna 1526–1541. Lund: Gleerup, 1949. 159 s.
- Teleman U., Wieselgren A. M. ABC i stilistik. Lund: LiberLäromedel, 1980. 137 s.
- Thorell O. Svensk grammatik. Stockholm: Esselte studium, 1973. 302 s.
- Vaaland T. Ø. Bestselgeren // *Morgenbladet*. 21–27.10.2011. S. 2.
- Vinje F.-E. Moderne norsk. Oslo: H. Aschehoug Co. (W. Nygaard), 1968. 190 s.

REFERENCES

- Andersen R. *Vi sammenlikner Norsk Bibel og Bibel 2011* [We Compare Norwegian Bible and Bible-2011]. Manuskript til foredrag på møte i FBB Østfold 11. mars 2014. 17 p.
- Aschim A. Når Bibelen blir ny [When the Bible Becomes New]. *Språknytt*, no. 4, 2011, pp. 32–34.
- Årsrapport 2011 Bibelselskapet [The 2011 Annual Report, The Norwegian Bible Society]. Available at: <https://www.bibel.no/~media/Files/Arsmeldinger/Arsmelding%202011.1.ashx> (accessed: 15.01.2015).
- Berkov V. P. *Raboty po iazykoznaniiu* [Works on Linguistics]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2011. 651 p. (In Russian)
- Cassirer P. *Stil, stilistik & stilanalys* [Style, Stylistics & Style Analysis]. Stockholm, Natur och Kultur, 2003. 287 p.
- Engdahl S. *Studier i nusvensk sakprosa* [Studies in Nonfictional Swedish Prose]. Uppsala, Institutionen för nordiska språk vid Uppsala universitet, 1962. 202 p.
- Ese B. K. *Den norske Bibelen er frisert og sminka* [The Norwegian Bible is smoothed out and embellished]. URL: http://www.nrk.no/hordaland/_-den-norske-bibelen-er-frisert-og-sminka-1.12253957 (accessed: 17.03.2015).
- Fauskanger H. K. *Bibelen på norsk* [The Bible in Norwegian]. Hovedoppgave ved Nordisk institutt, Universitetet i Bergen. 1998. 134 p.
- Grahn L. Det moderna tidningsspråket [The Modern Newspaper Language]. *Språkvård*, no. 4, 1965, pp. 3–11.
- Grigor'eva Iu. M. Dlina predlozheniia kak pokazatel' sintaksicheskikh izmenenii v iazyke (na materiale perevodov Biblii na shvedskii iazyk 1917 i 2000 g.) [Sentence Length as an Indicator of Syntactic Changes (based on Swedish Bible

- translations from 1917 and 2000)]. *Skandinaviskaia filologiia XII* [*Scandinavian Philology XII*]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2012, pp. 16–24. (In Russian)
- Hultman T.G. *Svenska Akademiens språklära* [*The Swedish Academy Language Science*]. Stockholm, Svenska Akademien, 2003. 342 p.
- Iakovenko E.B. Neopalimaia kupina ili goriashchii kust? (O krasote i tochnosti sovremennykh bibleiskikh perevodov) [The Unburnt Bush, or the Burning Bush? (About the beauty and accuracy of modern biblical translations)]. *Logicheskii analiz iazyka. Perevod khudozhestvennykh tekstov v raznye epokhi* [*Logical Analysis of Language. Translation of Literary Texts in Different Epochs*]. Ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Indrik Publ., 2012, pp. 141–150. (In Russian)
- Lindqvist N. *Några huvuddrag i Gustav Vasas Bibels språk* [*Some Main Features in the Language of the Gustav Vasa Bible*]. Uppsala, 1941. 16 p.
- Livanova A.N. Iazykovaia situatsiia v Norvegii [The Language Situation in Norway]. *Materialy XXXII mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii* [*Proceedings from the XXXII International Philological Conference*]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, pp. 10–13. (In Russian)
- Lotherington T. I påvente av Godot [Waiting for Godot]. *Språknytt*, no. 4, 2015, pp. 22–24.
- Lønning P. Hvem er redd for old king James? [Who is afraid of old king James?]. *Ordet*, no. 4, 1997, pp. 24–28.
- Norde M. *The History of the Genitive in Swedish. A Case Study in Degrammaticalization*. Ph.D. dissertation. Amsterdam, University of Amsterdam, 1997. 268 p.
- Nordin-Thelander K. *Variation i politiskt ordförråd* [*Variation in Political Vocabulary*]. Uppsala, 1981. 30 s.
- Olsen K.-J. Revidert bibeloversettelse — til det bedre? [Revised Bible translation — For the better?]. *Aftenposten* 05.09.2003, p. 12.
- Olsson B. *Från Birgitta till Bibel 2000* [*From Bridget of Sweden to Bible 2000*]. Stockholm, Verbum, 2001. 131 p.
- Pettersen T.B. Bibeloversettelse — det muliges kunst [Bible Translation — Art of the Possible]. *Aftenposten* 14.04.2003. p. 19.
- Rettskrivningsvedtak 1962–2003 [*Resolutions on Orthography*]. Available at: <http://www.sprakradet.no/Spraka-vare/Norsk/Rettskrivningsreformer/Rettskrivningsvedtak-1962-2003/> (accessed: 15.01.2015).
- Sjögren G. *Om språket i de svenska bibelöversättningarna 1526–1541* [*About the Language in Swedish Bible Translations between 1526–1541*]. Lund, Gleerup, 1949. 159 p.
- Teleman U., Wieselgren A.M. *ABC i stilistik* [*ABC in Stylistics*]. Lund, LiberLäromedel, 1980. 137 p.
- Thorell O. *Svensk grammatik* [*Swedish Grammar*]. Stockholm, Esselte studium, 1973. 302 p.
- Vinje F.-E. *Moderne norsk* [*Modern Norwegian*]. Oslo, H. Aschehoug Co. (W. Nygaard), 1968. 190 p.

Zhil'tsova E. L. *Slozhnopodchinennoe predlozhenie v sovremennom shvedskom ia-zyke*. [Complex sentence in modern Swedish]. Moscow, Moscow Univ. Press, 2006. 104 p. (In Russian)

Vaaland T. Ø. Bestselgeren [The Bestseller]. *Morgenbladet* 21–27.10.2011, p. 2.

Ливанова Александра Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9
E-mail: a.livanova@spbu.ru

Григорьева Юлиана Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9
E-mail: y.grigorieva@spbu.ru

Aleksandra Livanova

PhD in Philology, Associate Professor,
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: a.livanova@spbu.ru

Yuliana Grigoryeva

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: y.grigorieva@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 15.01.2017, принята к публикации 10.03.2017